Б 41 3/196

47 Б 41 3/196 2

С. С. С. Р.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КЛАУЗЕВИЦ

УЧЕНИЕ О ВОЙНЕ

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

С предисловием С. С. КАМЕНЕВА

ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА „ВОЕННЫЙ ВЕСТНИК"
МОСКВА — 1923

1-й экз. с. фонда

Военное Издательство Петроградского Военного Округа.

(Ул. Герцена, б. Морская, д. № 15, ком. 64, тел. 163-94).

М. П. Каменский. — „Наступление и оборона в современной войне", 180 + VI стр., с 3 схемами. — Цена 60 коп. зол. (Рекомендовано приказанием войскам Петроградского Военного Округа от 6 марта 1923 г. № 24).

Отзывы печати:... „Автор с исчерпывающей полнотой и изумительной по логичности аргументацией излагает предбоевые порядки (сближение), наступление, предбоевые позиции, атаку, оборону и контр-атаку, уклонение и выход из боя. Автор отказался от сухого, так называемого „научного", языка, а изложил свои мысли живым, образным, порой доходящим до красивых сопоставлений оборотов речи..."

С. Михеев. „Военный Вестник". 1923 г. № 6.

А. Окунев и Б. Перепеловский. — „Рота в бою". — Тактический очерк действий стрелковой роты в условиях современного маневренного боя, с приложением 14 схем. Цена 35 коп. золот. (Рекомендовано приказом войскам Петроградского Военного Округа от 7 февраля 1923 г. за № 224).

Отзывы печати:... „Книга А. Окунева и Б. Перепеловского сейчас является пособием, без которого не может обойтись ни один командир. Мало того, он должен ее знать, что называется на зубок..."

„Книга, сама по себе — как пособие, в чисто теоретической формулировке, — ценный вклад в военную литературу, преследующую прежде всего узко практические цели..."

„Красная Звезда". 1923 г. № 56.

СКЛАД ИЗДАНИЙ:

Магазин Военной Типографии Штаба Р.-К. К. А.

(Проспект 25 Октября (б. Невский), д. № 4, тел. 544-76).

Бч 3/196

Р. С. Ф. С. Р. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КЛАУЗЕВИЦ

УЧЕНИЕ О ВОЙНЕ

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

С предисловием С. С. КАМЕНЕВА

ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА „ВОЕННЫЙ ВЕСТНИК“
1923

ОГЛАВЛЕНИЕ.

стр.

От редакции 3

Предисловие С. С. Каменева 5

Важнейшие принципы ведения войны.

I. Принципы, касающиеся войны вообще 13

II. Тактика или теория боя 16

III. Стратегия 45

IV. О применении на войне изложенных принципов . . 60

15008
19/IX 23 г.

Петрооблит № 3115. Тир. 12.000 эк.

Военная типография Штаба Р.-К. К. А. (Площадь Урицкого, 10).

Книга Клаузевица «О войне», написанная свыше 100 лет тому назад, является классическим произведением, на котором воспитаны поколения германской армии. Идеи, в ней изложенные, извлечены из самой природы войны и боя, а потому остались поучительными и в наше время.

Закончив свое знаменитое произведение, Клаузевиц в 1812 году представил своему ученику, наследному принцу Прусскому, краткую сводку, в которой изложены «Основные положения учения о войне».

В настоящее время эта небольшая работа, изданная в Петрограде в 1888 г. в переводе Драгомирова, представляет собой библиографическую редкость, и многое в ней устарело.

Однако, последнее относится почти исключительно к технической стороне теории военного искусства. Так, например, внешние формы в виде нормального боевого порядка ныне непригодны, но идеи верны. Так же, как и тогда, необходимо располагать или двигать части не в одну линию, а распределять в глубину. Отдельные роды войск надо употреблять так, чтобы наилучшим образом

использовать их сильные особенности и обезвредить слабые. Общие же идеи книги Клаузевица поражают своей свежестью, почему мы сочли необходимым книгу переиздать, заменив предисловие Драгомирова, сильно устаревшее, предисловием С. С. Каменева. Редакция также не видела надобности в воспроизведении того огромного количества примечаний, которыми переводчик снабдил работу Клаузевица, и которые сильно затрудняют чтение.

Редакция „Военного Вестника".

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Предлагаемая вниманию читателя работа является по существу заключительной запиской или «поучением», представленным учителем своему ученику. Учитель—Клаузевиц, Карл, офицер прусской службы—один из творцов стратегии, как науки; ученик—наследный прусский принц, впоследствии—король Фридрих Вильгельм IV, которому Клаузевиц преподавал военные науки. Поучение написано в 1812 г., т. е. 111 лет назад. Это поучение и сейчас не утратило своего интереса и практической ценности. Последнее обстоятельство служит лучшей оценкой труда и его автора.

Наиболее сильной стороной «поучения» сейчас для нас надо признать его обобщения,—скажем, его философию. Наиболее слабой стороной, конечно, будут практические советы, поучения, которые во многом уже утратили свое практическое значение. Однако, за ними в полной мере сохранилось *историческое* значение, толкающее читателя на сравнения в целях выявления той эволюции военного дела, которая произошла за истекшие сто с лишним лет.

Но перейдем к философским местам поучения, свежесть которых, на наш взгляд, сохранилась и поныне, и постараемся уяснить их сущность.

С первых же строк автор подчеркивает, что «хотя теория занимается преимущественно изысканием того, как можно обеспечить себе преобладание в силах и материальных средствах на решительных пунктах, *но, тем не менее, если это невозможно, теория учит также рассчитывать на моральные данные* [1]): вероятные ошибки неприятеля, впечатление, производимое смелым предприятием, и проч.,—и даже на отчаяние».

«Часто должно решиться на предприятие, не взирая на вероятность, именно, когда ничего лучшего сделать нельзя». «Дабы в подобную минуту не лишиться спокойствия и твердости—качеств, которые война всегда стремится поколебать прежде всего...», автор рекомендует заблаговременно освоиться с мыслью—*погибнуть с честью*. «Будьте убеждены, говорит он, что без *этой твердой решимости ничего великого не делается, даже в самой счастливой войне, а в победе и подавно*». «Не забывайте, что великими делались только полководцы, умевшие дерзать». «*Вообще, уверенность в победе, т.-е. уверенность сбить неприятеля с поля сражения,—есть главнейшее*».

Уже в этих выдержках, взятых из кратких суждений о войне, сказывается главнейшая мысль

[1]) Курсив наш.

Клаузевица, что военное дело — волевое в большей мере, нежели умовое. Интересна и другая мысль автора, которую он первоначально формулирует так: «первое место между всеми причинами победы в современном военном искусстве — *задаваться целью важною и решительною и достигать ее с энергией и настойчивостью*». Эта мысль развивается так: «успех борьбы обеспечивается гораздо более *исполнением*, нежели соображением».

А вот любопытное суждение Клаузевица, которое особенно нам понятно и которое было также подтверждено нашим опытом.—«Принципы военного искусства сами по себе чрезвычайно просты и вполне доступны простому здравому смыслу: если в тактике они основаны несколько более, чем в стратегии, на специальном знании, то и оно (знание) столь не обширно, что не может выдержать сравнения ни с какой другой наукой с точки зрения разносторонности и глубокой внутренней связи. Следовательно, не только эрудиция и глубина знания, но даже высокие качества разума здесь совсем не требуются».

Военное дело осложнилось. Оно требует более серьезной подготовки, но все же мысль Клаузевица сохраняет свою относительную верность и поныне.

Автор также отмечает, что «в революционные войны массы людей, не получивших военного образования, показали себя искусными, часто даже первостепенными полководцами». Эту последнюю мысль мы с большим удовлетворением

подтвердили и опытом Красной армии. Само собою разумеется, что кроме указанных мыслей, которые мы считаем основными, в «поучении» имеется ряд положений, являющихся развитием этих мыслей. Не останавливаясь детально на этих последних положениях, перейдем к практическим указаниям записки, чтобы подготовить читателя к критическому подходу при ознакомлении с этой частью записки, памятуя, однако, что записка составлена более 100 лет назад.

С такой именно критикой уже приходится подходить ко 2-й главе—«Тактика и теория боя». Вас сразу же поражает это резкое деление, которое автор делает между обороной и наступлением. Необходимость такого отмежевания обороны от наступления теперь отпала. Армии стали во много раз больше тех, о которых говорит Клаузевиц. В массовых армиях, с их необ'ятными фронтами, трудно и даже невозможно себе представить оборону или наступление в их чистом виде. Современный бой представляет собою комбинацию наступления и обороны: оборона на одном участке поддерживает наступление на другом, и наоборот.

Но переходим к самой обороне. И тут наша военная мысль далеко шагнула вперед. Во главу угла этого рода действий мы теперь уже ставим огонь современной мощной техники. Было бы большой ошибкой поскупиться в этих средствах. Этой мысли у Клаузевица нет. Что же касается пехоты, то в период огневого отражения, ко-

нечно, она должна быть укрыта, и возможно большее ее число должно в первоначальный период обороны находиться в резерве.

При современной технике вопрос о длине фронта почти утратил ту остроту, какую ей придает Клаузевиц. Теперь длина фронта будет иметь, пожалуй, иное значение. Чем длиннее фронт, тем глубже должны быть удалены резервы, так как, находясь вблизи от фронта, при удлиненном фронте, они никогда не попадут в нужный пункт, так как придется двигаться вдоль фронта, а не двигаться из глубины.

Теперь два слова о глубине обороны, за которую так ратует автор. Нам рисуется, что эту глубину надо достигать двумя путями: с одной стороны, оттяжкой резервов вглубь, а с другой,— организацией борьбы на передовых позициях, вынесенных далеко вперед. Этой борьбе на передовых позициях мы придаем особо важное значение и полагаем, что удачная работа здесь особенно благоприятствует переходу обороняющегося в контр-наступление, не доводя дела до борьбы на главной позиции. Относительно глубины позиции тут уместно еще добавить, что эта глубина еще должна быть увеличена работой воздушных сил обороняющихся. Вот при всех изложенных условиях мы склонны предсказывать, что в будущем глубина обороны будет пониматься преимущественно в порядке выдвижения как частей, так и техники вперед намеченной позиции, которой, как таковой, даже не будет,

так как вместо позиций, как это раньше понималось, мы будем иметь широкую полосу боевых действий, которые будут очень мало отличаться от наступательных действий. В этой полосе легко будет усмотреть и отходы частей и отбитые атаки противника и контр-атаки. Такая же картина будет и в том районе, где заблаговременно будет решено, что тут мы наступаем.

В отделе атаки автор всецело отражает борьбу своего времени. Действия на флангах, охваты, обходы и прочее автором рассматриваются с особым вниманием. По счастливой случайности нам — участникам гражданской войны, в которой обстановка во многом была аналогична условиям войны 100 лет назад, все вопросы, разбираемые в этой части поучения, чрезвычайно понятны. Но тут необходимо иметь в виду, что условия большой войны несколько иные, и, если бы автор был жив, он наверное не ограничился бы анализом действий на флангах, а обратил бы должное внимание на прорыв фронта и на разворачивание этого прорыва вслед за успехом операции.

Некоторой иронией отдают указания автора об избегании «непрерывных линий», которые *в массовых* армиях неизбежны. Но вновь повторяю, что в условиях гражданской войны мы многое на опыте проделывали из того, о чем трактует автор в своих поучениях.

Очень устарел взгляд, даже и для условий гражданской войны, о массировании артиллерии (20—30 орудий, соединенных в одну батарею).

Мы уже воспитали себя, что нужно массировать не пушки, а их огонь. Новые начала артиллерийской стрельбы вполне это доказывают. Самые же орудия мы, наоборот, *рассосредоточиваем* и будем рассосредоточивать все больше и больше.

Что касается поучений о действиях пехоты при наступлении, то тут нам многое уже становится даже непонятным, а если вспомнить теорию работы групповой роты, то остается только удивляться, как велик прыжок, сделанный военным делом за 100 лет.

Затем следуют принципы использования местности. Нам представляется, что при современных условиях эти принципы следует признать наиболее отсталой частью «поучения». Теперь, конечно, нельзя уже с такой уверенностью говорить, что широкая река, озеро или болото могут служить упором для фланга позиции.

А вот и другая мысль, весьма сомнительная по настоящему положению военного дела. «*Никогда не уповать всецело на силу местности и, следовательно, никогда не соблазняться этой силой до пассивной обороны*». Вторую половину мысли мы бы оставили и теперь в полной неприкосновенности, а первую половину обязательно уточнили бы в том смысле, чтобы направить внимание на силу местности с целью исчерпывающего использования сильных ее сторон, но никогда не соблазняться этой силой для пассивной обороны.

Предпоследний отдел «поучения» озаглавлен «стратегией». Как и отдел тактики, он резко делится

на оборону и атаку. Так же, как и там, мы считаем это деление нежизненным, почему думается, что более правильным было бы и тут от него отказаться.

Есть и некоторые спорные места. Например, в «стратегии» автор говорит: «тот, кто окружен, находится в выгоднейшем положении, чем тот, кто окружает, особенно при силах равных или слабейших». Мы не склонны сводить на-нет преимущества окружающего.

В заключение, я вновь подтвержу, что «поучение» и сейчас во многом не утратило своего значения и поучительности. Но чтобы его понять, мало прочесть «поучение»,—надо его критически проштудировать. Но работа стоющая, и мы ее рекомендуем командному составу Красной армии.

С. Каменев.

ВАЖНЕЙШИЕ ПРИНЦИПЫ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ.

Изложение этих принципов не может дать полного изучения, но имеет целью возбудить и направить размышления о военном деле.

I. Принципы, касающиеся войны вообще.

1) Хотя теория занимается преимущественно изысканием того, как можно обеспечить себе преобладание в силах и материальных средствах на решительных пунктах, но тем не менее, если это невозможно, теория учит также рассчитывать на моральные данные: вероятные ошибки неприятеля, впечатление, производимое смелым предприятием, и проч.,—и даже на отчаяние.

Все это вовсе не находится вне области военного искусства и его теории, ибо последняя должна быть не чем иным, как выводом из здравого обсуждения всех положений, какие только могут представиться на войне. *Положения самые опасные суть те, на коих следует останавливаться мыслью чаще всего; именно эти положения более*

всего важно вперед обдумать и разрешить [1]). Только так можно дойти путем разума до решений героических, которых холодные умники не смогут уже поколебать.

Кто представляет это дело иначе, тот педант, идеи которого могут вам только повредить. В решительные минуты жизни, в неурядице и сумятохе боя вы когда-нибудь ясно почувствуете, что эта идея только и может помочь там, где помощь всего нужнее и где сухие выкладки педантов не помогут.

2) Естественно, что на войне всегда стараются иметь вероятности успеха на своей стороне, рассчитывая на физические или моральные преимущества. Но это не всегда возможно; часто должно решаться на предприятия, *не взирая* на вероятность, *именно когда ничего лучше сделать нельзя*. Если в подобном случае мы предались бы отчаянию, всякое здравое размышление прекратилось бы как раз в ту минуту, когда оно нам нужнее всего и когда, повидимому, все против нас.

Итак, даже когда вероятность успеха против нас, не всегда следует считать предприятие невозможным или безрассудным; оно всегда благоразумно, когда ничего лучшего сделать нельзя, и если мы употребим возможно лучше слабые средства, которыми обладаем.

---

[1]) Т. е. чаще всего и больше всего надо обдумывать наиболее опасные положения. В этом смысле надо выработать привычку в них разбираться.

Дабы в подобную минуту не лишиться спокойствия и твердости,—качеств, которые война всегда стремится поколебать прежде всего, которые в подобном положении весьма трудно сохранить, но без которых самые блестящие способности ума становятся бесполезными,—нужно вперед освоиться с мыслью *ПОГИБНУТЬ С ЧЕСТЬЮ*. Эту мысль должно благоговейно сохранять и беспрерывно в себе питать, дабы с нею совершенно свыкнуться. Будьте убеждены, что без этой твердой решимости ничего великого не делается даже в самой счастливой войне, а в беде и подавно.

Эта мысль, конечно, часто занимала Фридриха II в первые Силезские войны. Только потому, что с нею свыкся, он атаковал в памятный день 5-го декабря (1757 г.) австрийцев под Лейтеном, а не потому, что рассчитал большую вероятность побить австрийцев посредством своего облического порядка.

3) При выборе операций для данного случая и вообще мер, к коим можно прибегнуть, всегда приходится решаться или на более смелые, или на более осторожные. Есть люди, воображающие, будто теория всегда советует самые осторожные,—но это ложно. Если бы теория что-либо советовала, то, конечно, самые решительные, следовательно самые отважные действия, как свойственные самой природе войны. Но теория предоставляет каждому полководцу действовать в меру своей отваги, своего духа предприимчивости и

своей веры в себя. А потому избирайте в меру этой внутренней силы, но не забывайте, что великими делались только полководцы, умевшие дерзать.

II. Тактика или теория боя.

Война есть комбинация большого числа отдельных боев. Эта комбинация может быть разумна или нет и весьма влияет на результат. Но самый бой имеет еще более важности, ибо счастливые результаты могут родиться только из комбинации счастливых боев. И потому искусство победить противника в бою сохраняет на войне всегда преобладающую важность. Это настолько важно, что заслуживает полного и настойчивого внимания и размышления.

Вот принципы, которые я считаю важнейшими.

1. Общие принципы.

А. Для обороны.

1) При обороне держать войска скрытыми по возможности долее. За исключением момента, когда мы сами атакуем, мы можем быть всегда атакованы, а следовательно всегда должны быть на-стороже и располагаться как только можно укрыто.

2) Сразу всех войск в дело не вводить. Это исключило бы всякую возможность разумного

управления боем. Только имея резерв, можно дать бою другой оборот.

3) Поменьше и даже вовсе не хлопотать о длине фронта. Сама по себе эта длина безразлична, между тем как глубина боевого порядка (число частей, расположенных одна за другою) уменьшается с удлинением фронта. Войска, которые позади, находятся в нашем распоряжении; их можно употребить и для восстановления боя на прежних пунктах (поддержка), и для того, чтобы появиться на прилежащих к ним пунктах (продолжение фронта). Этот принцип есть королларий [1]) § 2.

4) Так как неприятель, атакуя часть фронта, почти всегда вместе с тем ее и охватывает, то части, стоящие сзади, служат для противодействия этим попыткам и возмещают таким образом недостаток местных преград, как опорных для флангов пунктов. Стоя в резерве, они более к этому способны, нежели в том случае, если бы они стояли на линии, ибо тогда неприятель без труда обошел бы и их. Этот пункт есть тоже развитие § 2.

5) Если много войск сзади, должно держать только часть их непосредственно за фронтом, а остальные далее позади, уступами.

Из этого последнего положения они сами могут брать во фланг колонны, которые пытались бы нас обойти.

---

[1]) Развитие, следствие.

6) Общий принцип—никогда не держаться слишком пассивно. Если неприятель нас атакует, мы должны отвечать ему атакою на фронт и на фланг. Принимают оборонительное положение на известной линии только для того, чтобы заставить неприятеля развернуть свои силы для атаки этой линии; потом переходят в наступление тою частью войск, которую держали позади. Вы однажды сами совершенно верно заметили, что искусство укрепляться должно служить обороняющемуся не для того, чтобы обороняться более безопасно за валами, но чтобы атаковать неприятеля с большим успехом. Это применимо ко всякой пассивной обороне. Всегда она есть не более как средство, с выгодою атаковать противника на местности, которую мы выбрали и на которой расположили наши войска.

7) Подобная атака обороняющегося может иметь место или тогда, когда неприятель уже атакует, или в то время, когда он еще на марше. Мы можем еще в минуту, когда неприятель собирается нас атаковать, отвести наши войска назад, завлечь его на местность, ему неизвестную, и потом атаковать со всех сторон. Боевой порядок глубокий, т. е. такой, который имеет в боевых линиях не более $^2/_3$ или $^1/_2$ армии и даже менее, а остальное прямо и по сторонам сзади и по возможности скрыто, прекрасно отвечает всем этим комбинациям, почему этот боевой порядок обладает громадной важностью.

8) При двух дивизиях я предпочел бы поставить их одну за другой, а не рядом; при трех я поставил бы позади, по крайней мере, одну; при четырех,—вероятно, две; при пяти—по крайней мере, две, иногда три, и так далее.

9) На пунктах, где предположена пассивная оборона, прибегают к помощи полевой фортификации. Но должно употреблять только отдельные и сомкнутые укрепления очень сильной профили.

10) Соображая план сражения, должно задаваться значительною целью, вроде атаки большой неприятельской колонны и полного ее поражения. Останавливаясь на мелкой цели, между тем как неприятель задастся крупною, получим, так сказать, недолет. Игра не стоит свеч.

11) Задаваясь значительною целью при обороне (истребление неприятельской колонны и проч.), должно стремиться к ней с наибольшей энергией, напрягая все свои силы *до последней крайности*. Чаще всего неприятель преследует свою цель на другом пункте. В то время, когда мы, например, обрушимся на его правое крыло, он будет добиваться решительного перевеса на левом. Следовательно, если мы уступим ранее, чем неприятель, если мы добиваемся своей цели с меньшей, чем он, энергией,—он достигнет своей цели вполне, а мы только на половину. В таком случае преобладание останется за неприятелем, победа—его, а наш половинный успех пропадет даром. Прочитав внимательно историю сражений

при Регенсбурге и Ваграме, не трудно убедиться в важности и верности этого положения.

В обоих этих сражениях Наполеон атаковал своим правым крылом и только старался удержаться на левом. Эрцгерцог Карл делал то же самое. Но первый сделал это с полною решимостью и энергией, между тем как второй был нерешителен и везде останавливался на полудороге. И оттого победоносная часть армии последнего достигла только ничтожных результатов, между тем, как в то же время император Наполеон на противоположном фланге достиг *решительного* успеха.

12) Еще раз повторяю вкратце два последних принципа. Их комбинация рождает совет, за которым можно признать первое место между всеми причинами победы в современном военном искусстве: *задаваться целью важной, решительной и достигать ее с энергиею и настойчивостью.*

13) Правда, что при этом опасность в случае неудачи также возрастает. Но допускать разрастание осторожности в ущерб цели—это не искусство. Это ложная осторожность, как уже сказано в общих принципах, — осторожность, противная самому существу войны. *Чтобы достигнуть* великой цели на войне, нужно отваживаться и на *великий* риск. Истинная осторожность состоит в том, чтобы, отваживаясь на что-либо на войне, избирать лишь такие меры, которые не ослабляли бы возможности достичь цели и применять эти меры неупустительно,

без лени, вялости и легкомыслия. В этом заключалась осторожность Наполеона, который никогда не преследовал значительной цели робко и неверными шагами, от избытка осторожности.

Припомните малое число выигранных оборонительных сражений, которые отмечены историей. Вы найдете, что лучшие из них были разыграны в духе принципов, здесь указанных; ибо именно изучение военной истории и открыло нам эти принципы.

При Миндене герцог Фердинанд появился неожиданно на поле сражения, где неприятель его не ждал и атаковал, между тем как у Тангаузена он оборонялся пассивно за укреплениями.

Под Россбахом Фридрих II бросился навстречу неприятелю в таком пункте и в такую минуту, где и когда его не ожидали.

Под Лигницом австрийцы нашли Фридриха ночью совсем не на той позиции, на которой его видели днем. Он обрушился со всей армией на одну колонну неприятеля и разбил ее прежде, нежели другие могли принять участие в деле.

Под Гогенлинденом против Моро было 5 дивизий с фронта и 4 с тылу и с боков. Он обошел неприятеля и обрушился на его правофланговую колонну прежде, чем она успела его атаковать.

Под Регенсбургом маршал Даву пассивно обороняется в то время, как Наполеон правым

крылом атакует и бьет на голову 5-й и 6-й австрийские корпуса.

Под Ваграмом австрийцы в первый день были в оборонительном положении. Но так как на следующий день они атаковали императора с большею частью своих сил, то и сей последний был как бы в оборонительном положении. Своим правым крылом он атакует левое крыло австрийцев, охватывает и бьет его, не заботясь о своем примкнутом к Дунаю левом крыле, весьма слабом (одна дивизия). Но благодаря сильным резервам (глубокий порядок), он воспрепятствовал тому, чтобы победа, одержанная правым австрийским крылом, обнаружила влияние на одержанную им на Руссбахе. Благодаря резервам он взял назад Адерклаа.

Эти сражения представляют характер активной обороны, хотя не все вышеуказанные принципы проявляются в них вполне ясно.

Подвижность прусской армии Фридриха II-го давала ему залог победы, на который мы более рассчитывать не можем, ибо и другие армии, по крайней мере, столько же подвижны. С другой стороны, в его время обходы были менее общеупотребительны, а потому и глубина боевого порядка менее необходима.

Б. Для атаки.

1) Атакуют один пункт неприятельской позиции, т.-е. часть его сил (дивизию, корпус) силами весьма превосходными, а остальные его

силы держат в неизвестности (развлекая внимание). Только таким путем можно доставить себе относительное превосходство и, следовательно, вероятность успеха, при силах равных и даже меньших, чем у неприятеля. Если мы очень слабы, то должно расходовать как можно меньше войск на развлечение неприятеля, дабы быть возможно сильнее на решительном пункте. Не подлежит сомнению, что Фридрих II выиграл сражение при Лейтене только потому, что собрал свою слабую армию в одном пункте и был весьма сосредоточен в сравнении с противником.

2) Главный удар направляют против крыла неприятеля, атакуя его с фронта и фланга или обходя совсем, чтобы атаковать с тыла. Только сбивая его с пути отступления, достигают великих результатов.

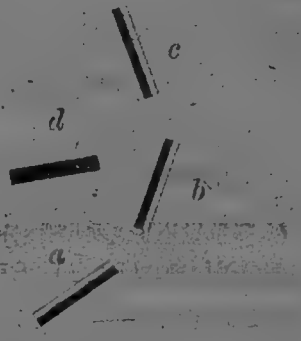
3) Даже при превосходстве в силах выбирают один только пункт для главного удара и сосредоточивают против него возможно больше войск. Совсем окружить армию редко возможно, разве только при громадном превосходстве, физическом или моральном. Но можно сбить неприятеля с пути отступления, атакуя один из его флангов, и это дает уже большие результаты.

4) Вообще уверенность (высокая вероятность) в победе, т.-е. уверенность *сбить неприятеля с поля сражения, есть главнейшее.* План сражения должен преимущественно иметь это в виду, так как и в случае сомнительной победы ее можно

обратить в решительную энергическим преследованием.

5) На атакуемом крыле действовать в обхват, т.-е. чтобы неприятельские войска видели себя атакованными со всех сторон [1]). Если даже у неприятеля на этом пункте и достаточно сил для фронта на все стороны, то все же его войска в подобном положении легче приходят в уныние, они больше терпят, приходят в беспорядок и проч., одним словом, мы можем надеяться, что они раньше уступят.

6) Для подобного обхвата неприятеля нужно удлинить свой фронт.

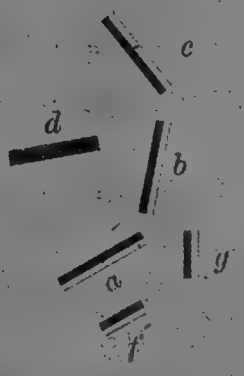


Если части *a*, *b*, *c* должны атаковать в обхват часть *d* неприятельской армии, то естественно нужно, чтобы они находились одна подле другой. Но такое развитие сил на фронте никогда не должно идти в ущерб сохранению зна-

[1]) В современных условиях охват выражается не только в движении и окружении войсками, но и в возможности охватывающего огня (огневой охват).

Ред.

чительных резервов. Это была бы самая грубая ошибка, могущая повести к поражению, если неприятель хотя сколько-нибудь подготовлен противодействовать обходу.



Если *a*, *b*, *c* суть части, которые атакуют *d*, то нужно, чтобы части *f* и *g* оставались в резерве. При таком глубоком порядке мы в состоянии беспрестанно возобновлять атаку на том же пункте, и если наши войска разбиты на противоположном фланге, мы не принуждены отказываться здесь от нашей цели, ибо имеем под рукою силы, которые при надобности можем противоставить противнику. Доказательство—французы в сражении при Ваграме. Их левое крыло у Дуная было слабо и совершенно разбито. Даже центр, у Адерклаа, был не очень силен, и австрийцы оттеснили его в первый день сражения. Но все это ни к чему не повело, потому что на своем правом крыле, которым Наполеон атаковал австрийское левое с фронта

и во фланг, он имел такую глубину, что мог перейти в наступление с громадной колонной кавалерии и конной артиллерии против австрийцев у Адерклаа, и если не разбил, то по крайней мере остановил их.

7) Как и при обороне, должно выбирать предметом атаки ту часть неприятельской армии, поражение коей может дать решительное преимущество.

8) Как и при обороне, не прекращать боя, пока не достигнута цель или не истощились все силы. Если обороняющийся тоже деятелен и атакует нас на других пунктах, то мы не можем вырвать у него победу иначе, как превзойдя его в энергии и дерзости. Если же он пассивен, то и опасность от него невелика.

9) Должно безусловно избегать длинных непрерывных линий, — они ведут только к параллельным атакам, которые теперь не годятся.

Различные дивизии ведут каждая свою атаку, но по приказаниям свыше и, следовательно, согласованно. Но так как дивизия (8,000 — 10,000 человек) никогда не располагается в одну линию, а в две, три и даже четыре, то ясно, что длинной непрерывной линии быть не может.

10) Согласование атак дивизий и корпусов достигается не тем, чтобы направлять их из одного пункта, держать между ними постоянную связь, не взирая на расстояния и, может быть, не взирая на неприятеля, их разделяющего, хлопотать, чтобы они непременно соображались друг

с другом и проч. Такой метод достигать согласования действий ошибочен, дурен, подвержен тысяче случайностей, никогда не приводит к великим результатам; а если противник энергичен, то он, наверное, сильно нас побьет.

Истинный метод состоит в указании каждому начальнику дивизии или корпуса общего направления марша и в указании им: неприятеля — предметом действия и победы — целью.

Итак, всякий начальник колонны получает один приказ — атаковать неприятеля всеми силами везде, где его ни встретит. Ответственность за результат возлагать на них не должно, ибо это могло бы вызвать нерешительность; но каждый из них должен быть ответствен за то, чтобы часть, ему подведомая, приняла участие в деле всеми своими силами и не останавливаясь ни пред какими жертвами.

11) Самостоятельная часть, хорошо организованная, в состоянии противостоять некоторое время (несколько часов) атаке самых превосходных сил, следовательно, сразу она не может быть уничтожена. Если даже она сцепилась слишком рано с неприятелем, то, даже в случае неудачи, бой, ею данный, не потерян для общего дела, так как неприятель должен будет развернуть и более или менее израсходовать свои силы против этой части и, следовательно, даст другим случай для атаки в выгодных условиях. О том, как должны быть организованы корпуса, будет сказано ниже. Итак, согласование действий приобре-

тается предоставлением частям известной самостоятельности и требованием, чтобы каждая из них искала неприятеля и атаковала его всеми силами, с полным самопожертвованием.

12) Один из важнейших элементов наступательной войны есть неожиданность; чем атака внезапнее, тем она будет счастливее. Неожиданности, которую обороняющийся нам может приготовить тайной своих распоряжений, закрытым положением своих войск, мы можем противоставить только неожиданность наступления.

Этот факт весьма редок в современных войнах, что зависит частью от лучше организованных мер охранения, частью от более быстрого, чем прежде, ведения войны. Вследствие этого редко случаются те длинные перерывы враждебных действий, которые прежде усыпляли бдительность одного из противников и давали другому случай атаковать его неожиданно.

При таких условиях,—не говоря о ночных нападениях (Гохкирх), которые *всегда* возможны,—можно застать противника врасплох, только сделав фланговое или отступательное движение и затем внезапно напав на него. Другое средство, применимое при значительном расстоянии от противника,—это появление перед ним гораздо раньше, чем он ждал, решаясь для этого на усилия и деятельность совершенно исключительные.

13) Настоящее нечаянное нападение (ночное, как гохкирхенское) есть наилучший способ действий для очень малых сил. Но оно подвержено

многим случайностям для нападающего, так как он хуже знает местность, чем обороняющийся. Чем менее точно знаем местность и распоряжения противника, тем случайности возрастают более, почему атаки этого рода должны быть в большинстве положений рассматриваемы только как прибежище отчаяния [1]).

14) Для подобных атак нужно располагаться еще проще и держаться еще сосредоточеннее, чем днем.

2. Принципы употребления войск.

1) Если нельзя обойтись без огнестрельного оружия (а если бы можно, то зачем им вооружались бы?), то нужно, чтобы оно открывало бой. Конница должна быть употребляема не раньше, как тогда, когда пехота и артиллерия причинят много вреда неприятелю. Из сего следует:

а) Конницу должно располагать за пехотою.

б) Не должно торопиться ее употреблять. Только когда замечается беспорядок у неприятеля, или когда его поспешное отступление дает надежду на успех, должно смело итти на него с конницею.

2) Огонь артиллерии гораздо действительнее огня пехоты. Восьмиорудийная шестифунтовая батарея не занимает и трети фронта баталиона, людей имеет не более восьмой части баталиона, а производит, конечно, вдвое-втрое сильнейшее огнестрельное действие. Но зато артиллерия не

[1]) Суворов постоянно почти применял это прибежище отчаяния и всегда бил.

так подвижна, как пехота. Это применимо даже к конной артиллерии в том смысле, что она не может служить, как пехота, на всякой местности. И потому следует с самого начала собрать артиллерию на важнейших пунктах, потому что она не может, как пехота, сосредоточиваться к этим пунктам во время боя. Большая батарея в 20—30 орудий обыкновенно решает исход боя на пункте, где находится.

3) Из этих свойств и других, которые очевидны, вытекают следующие правила употребления различных родов оружия:

а) Завязывают бой большею частью артиллерии, которую имеют. Только большие массы войск отделяют артиллерийские резервы. Употреблять артиллерию сосредоточенно. 20—30 орудий, соединенных в одну батарею, защищают главный пункт или обстреливают тот участок неприятельской позиции, который предположено атаковать.

б) Потом вводят легкую пехоту, особенно заботясь не ввязывать в бой сразу слишком много сил. Стараются ощупать сначала, что имеют перед собой (ибо редко это можно видеть вполне); стараются определить, какой оборот принимает бой и проч.

Если такой линии огня достаточно, чтобы противостоять неприятелю, и если нет причин спешить, то было бы ошибочно вводить слишком скоро другие силы; нужно как только можно истомить неприятеля этим предварительным боем.

в) Если неприятель вводит в бой столько войск, что наша линия огня должна уступить, или же если мы дальше откладывать не можем, тогда мы выдвигаем сплошную линию пехоты, которая развертывается шагах в 100—200 от неприятеля и стреляет или наступает, смотря по обстоятельствам.

г) Вот главное назначение пехоты. Но если боевой порядок настолько глубок, что после этого остается еще линия колонн в резерве, тогда достаточно господствуют над событиями в этом пункте. Для окончательного удара следует употреблять эту вторую пехотную линию по возможности в колоннах.

д) Конница держится за войсками, введенными в бой, настолько близко, насколько возможно без значительных потерь, т. е. вне картечного и ружейного огня. Но она должна быть под рукою, дабы воспользоваться всяким успехом, замеченным в бою.

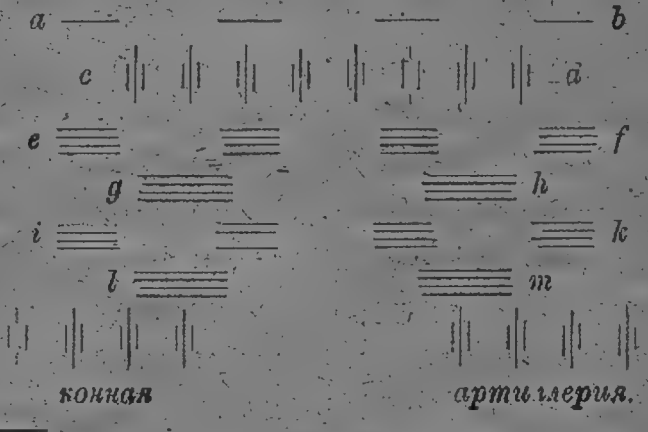
4) Придерживаясь этих правил более или менее точно, не упускать из вида следующего принципа, на коем особенно сильно настаиваю:

«Не вводить в дело всех сил сразу и на авось»,— это значило бы совсем выпустить из рук управление боем. Нужно по возможности истомить противника малыми силами и сохранить главную массу для последней, решительной минуты. Раз эта масса пущена, должно вести ее с наибольшей дерзостью.

5) Нужно установить нормальный боевой порядок (порядок расположения войск до и во время боя) на всю кампанию или на всю войну. Этот боевой порядок применять во всех случаях, когда вовсе нет времени на составление диспозиций. Он должен быть рассчитан преимущественно на оборону. Этот боевой порядок введет в образ действий армии некоторый метод, весьма необходимый и спасительный; *ибо неизбежно большая часть младших генералов и прочих командиров не будет обладать ни особыми познаниями в тактике, ни особыми военными способностями.*

Устанавливается таким образом некоторый методизм, заменяющий искусство там, где его нет (?!). Я убежден, что это в высокой степени существует во французских армиях [1]).

6) На основании сказанного об употреблении разных родов оружия, подобный боевой порядок для бригады будет, примерно, следующий:



[1]) Нормальный боевой порядок, теперь надо понимать не в виде указанной формы, а в виде установления определенных требований от расположения войск в бою, т. е. не по форме, а по содержанию. *Ред.*

ab есть линия легкой пехоты, завязывающая бой и в пересеченных местах служащая как бы авангардом; затем артиллерия *cd*, предназначенная стать на позицию, на выгодных пунктах. Пока не выдвинута на позицию, она должна оставаться за 1-й линией пехоты—*ef*, которая состоит из четырех баталионов и назначена развернуться и открыть огонь; *gh*—пара полков конницы; *ik*—2-я линия пехоты, составляющая резерв и назначенная решить результат боя; *lm*—конница этой линии.

Часть, более значительная, получает подобное же расположение, основанное на тех же принципах. Впрочем, этот ли или несколько иной боевой порядок—не суть важно: *достаточно, чтобы он не был в противоречии с изложенными принципами. Так, конница gh может быть расположена* в *lm*, выдвигаясь лишь в тех случаях, когда это удаление будет признано чрезмерным.

7) Армия состоит из многих таких самостоятельных корпусов, имеющих каждый своего начальника и свой штаб. Их располагают рядом и один за другим, как было указано в общих принципах боя. Остается сделать одно замечание: когда не очень слабы в коннице, то образуют особый конный резерв, который располагается, конечно, позади и имеет следующие назначения:

а) Обрушиваться на неприятеля, когда он отступает с поля сражения, и атаковать конницу, прикрывающую отступление. Разбив в эту минуту неприятельскую конницу, приобретаем неизбежно крупные успехи, если только неприя-

тельская пехота не окажет чудес мужества. Небольшие конные колонны в этом случае цели не достигнут.

б) Когда неприятель, не будучи разбит, исполняет отступательный марш, или когда после потерянного сражения отступает на следующий день, конный резерв служит для быстрого преследования. Конница ходит скорее пехоты и производит на отступающие войска более внушительное впечатление, чем пехота. А самое важнейшее на войне, после победы, есть преследование.

в) Для стратегических обходов, т. е. на большие расстояния, также употребляют конный резерв для ускорения марша.

Дабы подобный отряд обладал большею самостоятельностью, ему придают значительную массу конной артиллерии, ибо только совокупность разных родов оружия может дать высшую силу.

8) Боевой порядок войск относится к бою. Следовательно, это их построение (Aufmarsch).

Походный порядок, по существу, следующий:

а) Каждая самостоятельная часть (бригада, дивизия) имеет свой авангард, ариергард и составляет особую колонну. Но это не мешает, чтобы несколько таких частей шли одна за другою по той же дороге, составляя таким образом одну большую, общую колонну.

б) Части следуют соответственно нормальному боевому порядку. Они идут как расположены, т. е. или рядом, или одни за другими.

в) В самых частях соблюдается следующий неизменный порядок: легкая пехота образует авангард и ариергард; к ней прибавляют полк конницы; затем идет пехота, за нею артиллерия и, наконец, в хвосте—остальная конница.

Этот порядок соблюдается, наступают ли к неприятелю,—в каковом случае это порядок естественный,—или идут параллельно его фронту. В сем последнем случае, по настоящему следовало бы, чтобы части, которые в боевом порядке должны находиться одни за другими, шли одни рядом с другими. Когда придется развернуться, то всегда будет время выдвинуть конницу и вторую линию вправо или влево.

3. Принципы пользования местностью.

1) Местность (конфигурация почвы, топографический характер страны) дает две выгоды на войне:

Первая состоит в том, что местность представляет препятствия движению или доступу, которые или делают неприятелю невозможным наступление на известные пункты, или вынуждают замедлять марш, оставаться в колоннах и проч.

Вторая—в том, что местность позволяет нам ставить укрыто наши войска.

Обе эти выгоды весьма важны, но вторая кажется мне важнее: по крайней мере верно то, что ею гораздо чаще пользуются, ибо самая про-

стая местность в большинстве случаев все-таки дозволяет расположиться более или менее укрыто.

Прежде знали только первую из этих выгод и мало извлекали пользы из второй.

Теперь подвижность армий привела к тому, что первою выгодою меньше можно пользоваться, и именно поэтому следует чаще прибегать ко второй. Первая принадлежит только обороне, вторая—атаке и обороне.

2) Местность, рассматриваемая как препятствие доступу, служит главнейше в следующих отношениях: а) для опоры флангов, б) для усиления фронта.

3) Чтобы служить для упора фланга, преграда должна быть совершенно недоступна, как: широкая река, озеро, непроходимое болото. Но все это встречается редко, почему и совершенно обеспеченная опора флангов весьма редка. Она еще реже теперь, чем прежде, ибо делают больше движений и потому не остаются так долго на одной позиции, откуда следует, что приходится занимать большее число позиций на театре войны, чем прежде.

Если препятствие доступу не совершенно неодолимо, то оно уже не опора, а только усиление фланга. В этом случае должны быть поставлены за препятствием войска, для коих оно тоже составляет затруднение доступа.

Тем не менее, всегда выгодно усиливать свой фланг таким способом, ибо это позволяет уменьшить на нем число войск. Но должно быть на-

стороже от двух ошибок: первая — оставлять фланг без сильного резерва в расчете на силу самого препятствия; вторая—упирать оба фланга в подобные препятствия.

Действительно, так как они не обеспечивают вполне, то и не воспрепятствуют бою на обоих флангах; но в таком случае они приводят к обороне очень невыгодной, которая мешает легкому переходу в наступление на одном из крыльев, и получается, следовательно, худшая из оборонительных форм—с загнутыми флангами *a*, *b*, *c*, *d*.

4) Предшествующие соображения приводят снова к глубокому боевому порядку. Чем пункты опоры флангов менее надежны, тем их должно более поддерживать сзади частями, могущими охватывать обходящие неприятельские войска.

5) Все местности, которые нельзя пройти фронтом,—деревни, поля, изрезанные большим числом канав и изгородей, болотистые луга, горы, на которые трудно взбираться,—все это именно такие местные препятствия, которые, правда, можно пройти, но медленно и с утомлением, и которые, следовательно, усиливают в бою войска,

за ними стоящие. Леса могут быть отнесены к этой категории, только когда они чрезвычайно густы и болотисты. Обыкновенный высокий лес так же удобопроходим, как и поле, только не нужно упускать из виду, что леса скрывают неприятеля. Если располагаемся в лесу и мы, то неудобство будет одинаково для нас и для него. Но весьма опасно, и, следовательно, большая ошибка иметь лес перед фронтом или на фланге. Это допустимо только тогда, если лес проходим по немногим дорогам. Засеки, устраиваемые для препятствия движению, немного помогают, ибо их слишком легко устранить.

6) Из всего этого следует, что нужно искать в этих местных преградах опоры одному из флангов, дабы на нем оказать слабыми силами сравнительно сильное сопротивление. Между тем как на другом фланге продолжают наступательные действия, которыми задались. Весьма выгодно сочетать с этими препятствиями употребление укреплений. Ибо после того, как неприятель одолеет препятствия под огнем укреплений, последние мешают тому, чтобы войска были слишком быстро отброшены атакою, весьма превосходною в силах.

7) Когда намерены держаться оборонительно, всякое препятствие, затрудняющее доступ к фронту, приобретает большое значение.

Все горы занимаются единственно с этой целью, ибо для усиления действительности оружия превышение занятой позиции часто не имеет никакого влияния и в большинстве случаев—

неважное. Когда мы на высоте, и неприятель должен для сближения с нами подниматься по скату,—он подается медленно, теряет стройность и доходит запыхавшийся и истощенный. При равенстве сил и храбрости эти преимущества решительны. Чего в особенности не должно терять из виду, это—большого морального впечатления, производимого стремительною атакою бегом. Солдат, устремляющийся вперед, заглушает этим в себе сознание опасности, стоящий же на месте—теряет присутствие духа. Следовательно, всегда выгодно располагать на высотах передовые части пехоты и артиллерии.

Если покатость горы так крута или так волнообразна и овражиста, что ее обстреливать нельзя,—а это весьма часто бывает,—тогда первой линии на гребне не ставят, а самое большое занимают его стрелками. Первую же линию располагают так, чтобы неприятель попал под самый действительный ее огонь в минуту, когда он, взобравшись на высоту, старается устроиться.

Все прочие препятствия, как речки, ручьи, углубленные дороги и т. д., способствуют разрыву неприятельского фронта. Пройдя их, он должен восстановлять порядок, а это его задерживает. Следовательно, мы должны иметь эти препятствия в полосе нашего действительнейшего огня. Это есть картечь (400—600 шагов), когда много артиллерии, и ружейный огонь (150—200 шагов), когда мало артиллерии на том пункте.

8) Это, следовательно, общий закон: брать под самый действительный огонь всякое препятствие доступу, назначенное усиливать наш фронт. Однако, важно заметить одно: никогда не следует основывать сопротивление исключительно на огнестрельном действии, а всегда держать наготове значительную часть войск ($^1/_8$—$^1/_2$) в колоннах, для атаки в штыки. На этом основании, если мы очень слабы, следует располагать только линию огня (стрелков и орудия) на таком расстоянии, чтобы обстреливать препятствие, и держать остальные войска в колоннах возможно укрыто, шагах в 600—800 позади.

9) Есть другой способ извлекать пользу из фронтальных препятствий доступу—это располагаться от них несколько дальше, на хороший пушечный выстрел (1,000—2,000 шагов) и атаковать неприятеля сразу со всех сторон, когда его колонны начнут проходить препятствия.

(При Миндене герцог Фердинанд сделал нечто подобное). В таком случае местная преграда способствует активной обороне, и эта активная оборона, о которой уже говорено выше, исполняется тогда на фронте.

10) До сих пор мы предлагали длинные позиции и препятствия как бы непрерывными пред их фронтом. Но необходимо посвятить несколько слов и отдельным пунктам.

Отдельные пункты не могут вообще быть защищаемы иначе, как при помощи укреплений или сильного местного препятствия. Об укрепле-

ниях здесь нет речи, отдельные же местные препятствия, в коих можно удерживаться, могут быть только:

а) Высоты отдельные и крутые.

В этом случае укрепления необходимы, так как неприятель всегда может наступать против них более или менее широким фронтом, а следовательно, в конце концов, всегда зайдет в тыл обороняющемуся, который почти никогда не бывает настолько силен, чтобы иметь фронт во все стороны.

б) Дефиле.

Это выражение обозначает всякий единственный узкий путь наступления. Таковы мосты, плотины, теснины между отвесных скал и проч.

Во всех этих случаях следует отличать дефиле, которых противник совершенно обойти не может (как мосты на больших реках), от таких, которые обходимы, как мосты на речках и большая часть горных дефиле. В первом случае защитник смело может развернуть все свои силы для обстреливания пункта перехода; во втором — необходимо держать в резерве значительную часть войск ($^1/_3$—$^1/_2$) для атаки сомкнутой.

в) Деревушки, деревни, небольшие города и проч.

Если войска очень храбры, если воюют с увлечением, можно с небольшим числом обороняться в домах, как нигде, и против сил значительно превосходных. Но когда не надеются на солдата,

как на одиночного бойца, то лучше дома, сады и проч. занимать только стрелками, поставив орудия в выходах, а большую часть войск ($^1/_2$—$^3/_4$) держать в густых колоннах, за пунктом или в нем, и атаковать противника в минуту вторжения.

11) Эти отдельные посты служат иногда передовыми пунктами в больших операциях, имея назначением не упорное сопротивление, а только задержку неприятеля; иногда же имеют значение в общем плане операций всей армии. Часто необходимо упорно держаться на отдаленном пункте, дабы выиграть время, потребное для развития мер предположенной активной обороны. А если пункт отдален, то уже по этому самому он и уединен.

12) Остается сделать еще два замечания касательно отдельных пунктов: первое то, что за этими пунктами нужно иметь войска для принятия выбитых оттуда; второе то, что, решаясь вводить защиту этого рода в серию своих комбинаций, никогда не должно на нее рассчитывать слишком безусловно, как бы пункт ни был крепок. Наоборот, тот, кому защита подобного пункта вверена, должен застыть в решимости отстоять его во что бы то ни стало, в обстоятельствах самых неблагоприятных. Для этого нужен дух решимости и самоотвержения, который может иметь своим источником только любовь к славе и энтузиазм. Подобные назначения по

плечу только людям, которым не чужды эти благородные стремления души.

13) Употребление местности, как укрытия нашей позиции или наших движений, не требует подробного разбора.

Занимают позицию не на гребне высоты, которую хотят оборонять (как до сих пор часто делалось), а за ним; располагаются не впереди леса, а внутри его или за ним, и последнее только тогда, когда это не мешает охватить взором лес или рощи. Войска держать в колоннах, чтобы легче было их укрыть. Как укрытием, пользуются также деревнями, небольшими рощами, всеми складками местности; наступая, избирают предпочтительно местность возможно более закрытую и проч.

В странах возделанных почти нет таких мест, где обороняющийся не мог бы укрыть большую часть своих войск, искусно пользуясь местными предметами. Наступающий более затруднен в скрытии движений, потому что принужден держаться дорог.

Извлекая из местности пользу для укрытия войск, само собою, не должно терять из виду цель и предположенный план. Следовательно, прежде всего—не разрывать весь свой боевой порядок, дозволяя себе лишь некоторые от него уклонения.

14) Сводя сказанное о местности, находим, что важнейшие условия для обороняющегося при выборе позиции суть:

а) Опорные пункты для одного или обоих флангов.

б) Свободный обзор перед фронтом и на флангах.

в) Препятствия на доступах к фронту.

г) Закрытия на позиции для войск и, наконец,

д) Пересеченная местность позади позиции, ибо в случае несчастия это затрудняет преследование. Но не нужно, чтобы были дефиле слишком близко (Фридланд), иначе произойдет задержка и беспорядок.

15) Было бы педантизмом думать, что все эти выгоды могут быть соединены во всякой позиции, которую занимают на войне. Не все позиции одинаково важны; они тем важнее, чем вероятнее быть на них атакован. Только на важнейших позициях стараются иметь на своей стороне все эти выгоды; на прочих — по возможности.

16) Соображения наступающего относительно местности сводятся к двум главнейшим: он не должен избирать для пункта атаки слишком трудной местности, но зато должен наступать, где возможно, по такой местности, где неприятелю труднее разгадать его силы.

17) Кончаю эти замечания относительно пользования местностью принципом высшей важности с точки зрения обороны, принципом, составляющим краеугольный камень всей теории обороны, именно:

Никогда не уповать всецело на силу местности и, следовательно, никогда не соблазняться этою силою до пассивной обороны.

Действительно, если местность в самом деле настолько крепка, что атакующий не может нас сбить, то он нас обойдет, что всегда возможно, и тогда самая крепкая позиция бесполезна; мы будем принуждены драться при совершенно иных обстоятельствах, на местности совсем другой, и, следовательно, не стоило и вводить в наши планы позицию, которую выбрали. Но если позиция такой силы не представляет, если атаковать ее возможно, то все ее выгоды никогда не могут вознаградить за невыгоды обороны чисто пассивной; следовательно, все преграды местности могут пригодиться только для частной обороны. Они должны служить только для того, чтобы с малым числом войск противоставить сопротивление сравнительно большое и выиграть таким образом время для наступления, которое на других пунктах должно нам доставить истинную победу.

III. Стратегия.

Стратегия комбинирует отдельные бои в интересах цели кампании и всей войны.

Когда умеем драться, когда умеем побеждать, остается научиться немногому. Счастливые результаты не трудно комбинировать, это не более как дело навыка в силе соображения, что не требует специального знания, как управление боем.

И потому немногие принципы, которые можно установить в стратегии, принципы, прежде всего коренящиеся в органическом складе государств и армий, могут быть изложены по существу весьма кратко.

I. Общие принципы.

1) Ведение войны может иметь в виду три главные цели:

а) Победить и уничтожить вооруженную неприятельскую силу.

б) Завладеть неодушевленными военными средствами и другими источниками существования неприятельской армии.

в) Расположить к себе общественное мнение.

2) Для достижения первой цели всегда направляют главную операцию против главной неприятельской армии или, по крайней мере, против весьма значительной ее части. Только начав бить его силы, можно преследовать остальные две цели с успехом.

3) Чтобы овладеть неодушевленными средствами противника, направляют операции к пунктам, где таковые преимущественно сосредоточены; это—столицы, склады, большие крепости. На пути к ним встретят и главную неприятельскую армию или значительную ее часть.

4) Располагают к себе общественное мнение посредством больших побед и овладения столицею.

5) Первый и важнейший принцип, который нужно себе поставить, чтобы достигнуть этих целей, есть: напрягать все силы, какие только

есть, до последней крайности. Всякое ослабление усилий отдаляет достижение цели. Даже если бы успех был довольно вероятен, было бы в высшей степени неблагоразумно не напречь наибольших усилий, дабы его сделать *вполне верным:* ибо такие усилия никогда не могут иметь неблагоприятных последствий. Допуская даже, что страна окажется от этого обремененною вдвойне, все же, в конце концов, она в накладе не останется, ибо самое отягощение гораздо скорее кончится.

Громадное значение принадлежит моральному впечатлению, производимому этими приготовлениями. Они рождают у каждого убеждение в успехе. Это лучшее средство сразу поднять дух нации.

6) Второй принцип: сосредоточивать, как только можно силы там, где должно наносить решительные удары; подвергаться даже неудачам на пунктах второстепенных, дабы упрочить успех на главном. Этот успех покроет все второстепенные неудачи.

7) Третий принцип: не терять времени. Если выжидание не может принести весьма важных выгод, надлежит вести операции так быстро, как только можно. Быстрота душит в зародыше сотни неприятельских мероприятий и склоняет на нашу сторону общественное мнение.

Внезапность играет гораздо более важную роль в стратегии, нежели в тактике. Она составляет самый действительный залог победы. Наполеон, Фридрих II, Густав Адольф, Цезарь,

Аннибал, Александр лучшими своими подвигами обязаны быстроте.

8) Наконец, четвертый принцип: пользоваться всяким одержанным успехом с величайшею энергией.

Только преследование побежденного противника может доставить плоды победы.

9) Первый из этих принципов служит основанием трем остальным.

Если он соблюден,—можно дерзать в высшей мере, не ставя всего на карту. Принцип этот дает возможность беспрерывно формировать новые силы, посредством коих всякая неудача может быть поправлена. Вот в чем состоит осторожность, которую можно назвать мудрою, а вовсе не в том, чтобы подвигаться вперед робким шагом.

10) В настоящее время малые государства не могут более вести завоевательных войн. Но для войны оборонительной даже средства малых государств необъятны. Я имею твердое убеждение, что тот, кто напрягает все свои силы, дабы выдвигать все новые и новые массы; кто делает все возможные приготовления и держит силы сосредоточенными на решительном пункте; кто, будучи так вооружен, преследует решительно и энергично великую цель, — тот делает все, что только вообще возможно для стратегического ведения войны. Если при этом он не совершенно несчастлив в боях, он неизбежно победит на-

столько, насколько противник отстанет от него в напряжении усилий и в энергии.

11) При соблюдении этих принципов форма операций имеет, в конце концов, мало значения. Впрочем, я попытаюсь выяснить вкратце важнейшие положения по этому предмету.

В тактике ищут охватить противника, именно ту часть его войск, против коей направлена главная атака. Охватывающее действие войск выгоднее, чем одно фронтальное, и дает также возможность сбить противника с пути отступления.

Но если форму, столь выгодную в тактике, распространить на театр войны противника (и, следовательно, на его снабжения), то наши отдельные колонны или армии, назначенные для охвата, будут в большинстве случаев так удалены друг от друга, что окажутся не в состоянии принять участия в одном и том же бою. Противник, находясь в центре, может последовательно обращаться против раз'единенных частей и бить их по-одиночке с одною и тою же армиею. Кампании Фридриха II, особенно 1757 и 1758 годов, дают этому примеры.

Но ведь бой есть главнейшее и решительное; следовательно, тот, кто маневрирует по внешним линиям, если, конечно, не имеет превосходства вполне решительного, — утратит в битве все преимущества, которые ему мог бы доставить охватывающий марш, так как влияние на снабжения (тыл) сказывается лишь очень медленно, между тем, как победа в битве действует весьма быстро.

Итак, в стратегии тот, кто окружен, находится в выгоднейшем положении, чем тот, кто окружает, особенно при силах равных или слабейших.

В этом отношении полковник Жомини совершенно прав; и если Бюлов доказывает обратное с такою кажущеюся убедительностью, то это происходит только от того, что он приписывает слишком быстрое влияние действию на сообщения и вместе с тем опрометчиво отрицает неизбежные последствия сражений.

Конечно, стратегический обход и охват весьма действителен как средство отрезать неприятелю путь отступления. Но этой цели можно достигнуть также и тактическим обходом. Поэтому обход стратегический можно посоветовать только обладающему таким превосходством (физическим и моральным), благодаря коему он, даже отделив часть для обхода, останется достаточно силен на решительном пункте.

Наполеон I никогда не вдавался в стратегические обходы, хотя он имел часто, и даже почти всегда, перевес физический и моральный над своими противниками.

Фридрих II сделал это только раз, в 1757 году, против Богемии. Правда, что благодаря этому австрийцы могли дать первое сражение только под Прагою. Но к чему послужило занятие Богемии до Праги без решительной победы? Поражение под Коллином принудило короля снова ее очистить, что и доказывает, что сра-

жение решает все. Под Прагою он, очевидно, подвергался опасности быть атакованным всеми австрийскими силами до прибытия Шверина. Этой опасности не было бы при наступлении из Саксонии всеми силами. Может быть, первая битва произошла бы у Буддина на Егере, и она была бы столь же решительна, как и пражская. Зимняя дислокация прусской армии в Силезии и Саксонии была, конечно, причиною этого концентрического нашествия, и необходимо заметить, что причины подобного рода вообще более вески, нежели преимущества формы атаки. Ибо удобство исполнения операций благоприятствует их быстроте, и трение столь громадной машины, как армия, само по себе так велико, что без необходимости должно избегать его увеличивать.

12) Впрочем, принцип, в силу коего должно, по возможности, сосредоточиваться к решительному пункту, уже сам по себе устраняет идею стратегического охвата, а отсюда уже сам собою вытекает боевой порядок армии. Почему я и мог сказать, что форма боевого порядка имеет мало значения. Есть, впрочем, один случай, когда стратегическое действие во фланг неприятелю приводит к столь же крупному результату, как и сражение, а именно: когда неприятель в бедной стране с трудом устроит большие склады продовольствия и когда его операции вполне зависят от их сохранения. В таком случае может даже быть хорошо не вести главных сил на-

встречу противнику, а идти прямо на его базу. Но для этого требуются два условия:

а) Неприятель должен быть настолько далеко от этой базы, чтобы наше движение к ней могло принудить его к значительному отступлению, и б) на главной его операционной линии мы должны быть в состоянии: небольшим числом войск, при помощи естественных и искусственных препятствий, настолько его задержать, чтобы он не мог сделать завоеваний, способных вознаградить его за потерю базы.

13) Войскам нужно жить. Это условие войны неминуемое и, следовательно, обнаруживающее большое влияние на операции, преимущественно тем, что оно дозволяет сосредоточение войск лишь до известной степени и обусловливает, при выборе операционной линии, выбор самого театра войны.

14) Везде, где только возможно, войска довольствуются местными средствами, реквизиционным способом. При современном образе войны армии занимают гораздо более значительное пространство, чем прежде.

Сформирование больших самостоятельных корпусов дозволяет делать это, не становясь в невыгодное положение относительно противника, сосредоточенного по прежнему способу (70—100,000 человек) в одном пункте. Ибо один самостоятельный корпус современной организации может в течение некоторого времени выдержать удар противника, вдвое-втрое сильнейшего. Между

тем прибывают другие корпуса, и если бы первый был даже разбит, он не сражался даром, как мы заметили в другом месте.

Теперь отдельные дивизии и корпуса двигаются рядом или друг за другом врозь, держа связь лишь настолько, чтобы могли принять участие в одном сражении, если они составляют одну армию.

Это дает возможность жить со дня на день без магазинов. Организация самых частей, имеющих свои штабы и интендантства, облегчает такой способ продовольствия.

15) Если нет решающих мотивов высшего значения (например, положение главных сил противника), то театром операций избирают наиболее плодоносные провинции, ибо легкость продовольствия способствует быстроте действий. Важнее продовольствия могут быть только: расположение неприятельской армии, которую ищем, положение столицы или крепости, которыми хотим овладеть. Все прочие условия, как, например, выгодная форма распределения сил, о которой мы уже говорили, имеют вообще гораздо менее важности.

16) Не взирая на этот новый способ продовольствия, совершенно обойтись без магазинов далеко нельзя даже и тогда, когда средства страны совершенно достаточны; мудрый полководец не упустит учредить магазины на своих сообщениях, как на непредвидимые случаи, так и для возможности держаться сосредоточеннее

на известных пунктах. Это одна из предосторожностей, которая ущерба поставленной цели не причиняет.

2. Оборона.

1) Политически, *оборонительной войной* называют ту, которую ведут за независимость. Стратегически, дают это наименование кампаниям, в коих одна из воюющих сторон ограничивается борьбою на заблаговременно приготовленном ею театре войны. Даст ли она наступательные или оборонительные сражения на том театре, это ничего не меняет.

2) Избирают стратегическую оборону особенно тогда, когда неприятель сильнее. Конечно, крепости и укрепленные лагери, в которых главнейше состоит подготовка театра войны, доставляют большие преимущества, к коим прибавляется еще знание местности и обладание хорошими картами. С этими преимуществами малая армия, базирующаяся на меньшее государство и с меньшими средствами, будет более в состоянии сопротивляться противнику, чем без этой помощи.

Сверх этого, к оборонительной войне могут побудить еще два следующих соображения.

Первое: когда провинции, прилегающие к нашему театру войны, крайне затрудняют операции по недостатку продовольствия; в этом случае мы избегаем неудобства, а неприятель обязан ему подчиниться. Таково в настоящую минуту (1812) положение русской армии.

Второе: когда неприятель превосходит нас в искусстве вести войну.

На подготовленном театре войны, который знаем и на котором все второстепенные условия нам благоприятны, войну нам легче вести: ошибок сделаем меньше. В этом случае, т.-е. когда ненадежность генералов и войск побуждает предпочесть оборонительную войну,—охотно соединяют тактическую оборону с стратегическою. Другими словами, дают сражения на позициях, для того приготовленных,—опять потому, что получается вероятность сделать меньше ошибок.

3) В оборонительной войне должно, так же, как и в наступательной, задаваться значительною целью. Таковою целью может быть только истребление неприятельской армии,—сражением ли, или крайними продовольственными затруднениями, дабы ее дезорганизовать и принудить к отступлению, во время коего она неизбежно подвергнется значительным потерям. Кампания Веллингтона в 1810 и в 1811 годах представляет этому пример.

Следовательно, оборонительная война не заключается в праздном ожидании событий; выжидать нужно только в предвидении очевидной и решительной от того пользы. Для обороняющегося чрезвычайно опасно то затишье перед бурей, во время коего наступающий собирается с силами для решительного удара. Если бы после Асперна (1809) австрийцы усилились втрое против Наполеона, что они могли сделать, то про-

межуток покоя до Ваграмского сражения был бы им полезен, но только при этом условии. Но так как они этого не сделали, то это время пропало даром, и было бы лучше извлечь пользу из затруднительного положения Наполеона, собрав плоды победы под Асперном.

4) Назначение крепостей—отвлекать значительную часть неприятельской армии на осады. Этим временем надо пользоваться для разбития остальной части армии. На этом основании должно давать сражения за, а не перед своими крепостями, но не должно также смотреть сложа руки на то, как их берут, как сделал Бенигсен во время осады Данцига.

5) Большие реки, т.-е. представляющие затруднения наводке мостов, как Дунай вниз от Вены и Нижний Рейн, представляют естественные оборонительные линии. Но нельзя их оборонять, располагаясь равномерно вдоль реки с целью воспрепятствовать переправе на каждом пункте. Это было бы опасно. Ограничиваются наблюдением реки, а когда неприятель переправится,—нападают на него со всех сторон в ту минуту, когда он еще не сосредоточил все свои силы и ограничен тесным прибрежным пространством. Сражение при Асперне представляет тому пример. В сражении при Ваграме австрийцы оставили без всякой надобности слишком много места французам и этим сами уничтожили присущие переправам неудобства.

6) Горы составляют второе естественное препятствие, могущее служить хорошей оборонительной линией. Их оборона может быть двоякая: а) или их оставляют перед собой, занимая их только легкими войсками с тем, чтобы предоставить неприятелю переход, как через реку, и затем обрушиться на него всеми силами, когда отдельные колонны начнут дебушировать, б) или же занимают самые горы. В последнем случае отдельные дефиле следует защищать только небольшими отрядами и держать в резерве значительную часть ($^1/_3$—$^1/_2$) армии, дабы атаковать с превосходными силами ту из колонн, которая успела бы прорваться. Следовательно, не должно дробить этот резерв из-за желания помешать всем колоннам прорваться; нужно, напротив, заранее задаться целью обрушиться на ту из неприятельских колонн, которую предполагают самою сильною. Если удастся разбить таким образом значительную часть атакующей армии, то другие прорвавшиеся колонны сами отступят.

Строение большинства гор таково, что в центре масеы обыкновенно есть возвышенные равнины (плато), между тем как скаты, обращенные к равнинам, прорезаны обрывистыми долинами, образующими выходы. Защитник находит, следовательно, в горах область, в которой может быстро двигаться по всем направлениям, между тем как атакующие колонны разделены между собой крутыми и недоступными хребтами. Только горы подобного типа допускают непосредственно

хорошую оборону. Но когда они дики и недоступны во всю свою глубину, так что обороняющийся должен бессвязно разбросаться,—то опасно занимать их главными силами. Все выгоды в этих обстоятельствах—на стороне атакующего, который может атаковать отдельные пункты с силами весьма превосходными, и тогда никакое дефиле, никакой отдельный пункт не имеют настолько силы, чтобы их нельзя было взять в течение одного дня.

7) Следует вообще заметить, что в горной войне все зависит от искусства частных начальников, офицеров и еще более от духа солдат. Дело тут не в искусстве маневрирования, но в воинском духе и в ревности к делу, ибо всякий более или менее предоставляется самому себе. Оттого-то народная оборона так и сильна в горной войне, что ей не достает первого и в высокой степени свойственно второе.

8) В заключение замечу, что стратегическая оборона, будучи сама по себе сильнее наступления, должна служить только для достижения первых больших успехов; но раз они достигнуты и мир тотчас не заключен, дальнейшие успехи приобретаются только наступлением. Кто всегда хотел бы только обороняться, тот подвергался бы большому неудобству воевать всегда на свой счет. Ни одна держава такой борьбы долго не вынесет. Если она постоянно служит мишенью ударам противника, а сама их не наносит, то, по всем вероятиям, кончит ослаблением и паде-

нием. Должно, следовательно, начинать обороной только затем, чтобы тем вернее кончить наступлением.

3. Атака.

1) Стратегическое наступление преследует цель войны непосредственно; оно метит прямо на истребление неприятельских сил, между тем как оборона стремится достигнуть этой цели лишь косвенно. Вот почему принципы атаки уже заключаются в общих принципах стратегии. Только два пункта требуют особого упоминания.

2) Первый касается безостановочного пополнения войск и оружия. Такое возобновление сравнительно легче для обороняющегося, вследствие близости его источников пополнения. Наступающий же, хотя он в большей части случаев и могущественнее, должен притягивать свои силы более или менее издали, а следовательно — с затруднениями. Чтобы никогда не иметь недочета в силах, ему нужно заблаговременно организовать комплектование людьми и подвозку оружия так, чтобы итти навстречу потребности. Дороги, составляющие его комуникационную линию, должны быть постоянно покрыты маршевыми колоннами и транспортами. На этих дорогах должны быть учреждены военные этапы для содействия быстроте подвоза.

3) В самых счастливейших случаях и при величайшем физическом и моральном перевесе наступающий все же должен допускать возмож-

ность больших неудач. Он должен поэтому подготовить себе на операционной линии опорные пункты, на которые мог бы, при надобности, отступить с разбитой армией. Эти пункты суть крепости с укрепленными лагерями или только укрепленные лагери.

Для занятия этих пунктов, а равно крепостей и важнейших городов, надо оставлять большее или меньшее число войск, смотря по тому, насколько можно опасаться неприятельского вторжения или местных жителей. Тыловые войска эти образуют вместе с подходящими подкреплениями новые корпуса, которые при счастливом исходе подвигаются вслед за армией, а при несчастном—располагаются в укрепленных пунктах для обеспечения отступления.

Большие реки представляют лучшее средство задержать на некоторое время преследующего неприятеля. Поэтому на них должно иметь обеспеченные переправы (посредством предмостных укреплений, усиленных поясом редутов).

Император французов был всегда весьма осмотрителен в мерах по устройству тыла своей армии. Почему в самых отважных своих операциях он рисковал в действительности меньше, чем казалось.

IV. О применении на войне изложенных принципов.

Принципы военного искусства сами по себе чрезвычайно просты и вполне доступны простому здравому смыслу; если в тактике они основаны

несколько более, чем в стратегии, на специальном знании, то и оно столь не обширно, что не может выдержать сравнения ни с какою другою наукою с точки зрения разносторонности и глубокой внутренней связи. Следовательно, не только эрудиция и глубина знания, но даже высокие качества разума здесь совсем не требуются. Если, сверх навыка в суждении, и желательно какое-либо особое свойство разума, то очевидно, что это должна бы быть хитрость или лукавство. Долго утверждали прямо противоположное, но только от ложного благоговения перед нашим предметом и от тщеславия авторов, писавших о нем. Размышляя без предрассудков, нельзя не придти к этому убеждению, а опыт еще более укрепляет нас в нем. Еще в революционные войны масса людей, не получивших военного образования, показали себя искусными, часто даже первостепенными полководцами. Что касается до Конде, Валленштейна, Суворова [1]) и многих других, то их военное образование, по меньшей мере, сомнительно.

Самое ведение войны очень трудно без всякого сомнения; но затруднение состоит вовсе не в том, чтобы нужна была исключительная ученость или большой гений для усвоения истинных принципов военного искусства. Всякая здравоустроенная голова, не затемненная предрассудками

[1]) Суворов был высокообразованный в военном смысле человек. *Примеч. перев.*

и не совершенно чуждая делу, может усвоить их. Даже применение этих принципов на карте или на бумаге не представляет никакого затруднения, и, конечно, не такое великое дело сообразить порядочный операционный план. Вся трудность состоит в том, чтобы в *исполнении остаться верным усвоенным принципам.*

На эту именно трудность эта заключительная заметка и назначена привлечь внимание. Сообщить ясное впечатление об упомянутой трудности я считаю важнейшим результатом, коего предлежащая записка может достигнуть.

Все ведение войны можно уподобить ходу сложной машины с громадным трением, так что комбинации, легко соображенные на бумаге, могут быть осуществлены не иначе, как с большими усилиями.

Таким-то образом свободная воля и мысль полководца тормозятся на каждом шагу; с одной стороны, нужно иметь особенную силу духа и разума, чтобы преодолевать эти препятствия, с другой—не одно счастливое вдохновение погибает в этом трении, и приходится устраивать проще и скромнее то, что в более сложной форме произвело бы сильнейшее воздействие.

Все причины этого трения перечислить невозможно, но вот главнейшие:

1) Сведения о положении и мерах противника всегда скуднее, чем предполагается при составлении планов. Тысяча сомнений нас осаждают в минуту приступа к исполнению принятого

решения. Нас подавляет мысль об опасностях, которым можем подвергнуться, если сильно обманемся в наших предположениях. Нами овладевает чувство беспокойства, которое вообще легко является у человека в минуту приступа к делу высокой важности; а между тем переход от этого беспокойства к нерешительности, а от нее к полумерам — едва заметен.

2) Не только находимся в неизвестности относительно численности неприятельских сил, но слухи (все сведения, получаемые от аванпостов, шпионов или случайно) их преувеличивают. Громадное большинство людей боязливо от природы; отсюда постоянное преувеличение опасности. Следовательно, все впечатления, воспринимаемые полководцем, клонят к тому, чтобы дать ему фальшивое представление о силах неприятеля: вот новая причина нерешительности.

Громадное значение такой неизвестности нельзя довольно высоко ценить и к ней должно заблаговременно приготовиться.

Если все спокойно обдумано заранее, если искали без предубеждения и нашли случай наиболее вероятный, не должно спешить отказываться от первоначального мнения, но следует подвергать критике приходящие известия, сличать их между собой, собирать новые сведения и проч. Очень часто ложные сведения немедленно сами друг друга и опровергают, а часто первоначальные известия подтверждаются. В обоих случаях — добиваемся достоверности и становимся

в возможность принять решение. Если полной достоверности добиться нельзя, то нужно помнить, что на войне ничего без риска не дается, что самая сущность войны не допускает возможности всегда видеть, куда идешь, что вероятное все-таки останется вероятным, хотя и не всегда очевидным, и что если принятые меры вообще разумны, то одна ошибка всего погубить не может.

3) Неизвестность положения вещей в каждую данную минуту распространяется не только на неприятеля, но и на собственную армию. Редко возможно держать ее настолько сосредоточенно, чтобы можно было ежеминутно и отчетливо обозревать все ее части. Если есть расположение к беспокойству, возникнут новые сомнения. Захочется выжидать, а неизбежным следствием будет замедление в общем действии. И потому нужно иметь силу верить в то, что принятые общие меры приведут к ожидаемым последствиям. В особенности — иметь доверие к подчиненным генералам; поэтому нужно выбирать таких, на которых можно положиться, а все прочие соображения—отбросить. Когда приняли соответственные меры, имея ввиду и возможные неудачи, когда устроились так, чтоб не погибнуть сразу, если они в самом деле случатся,—тогда надо итти смело вперед сквозь мрак неизвестности.

4) Если желаем вести войну с энергией, требующей великого напряжения сил, то второсте

ленные начальники и даже войска (особенно, когда нет привычки к войне) часто будут находить затруднения и представлять их неодолимыми. Марш им покажется слишком длинным, утомление—чрезмерным, продовольствие—невозможным. Если обращать внимание на все эти нежности («Difficultäten», как называл их Фридрих II), то скоро совсем изнеможем и, вместо того, чтобы действовать с силою и энергиею, впадем в расслабление и бездействие.

Чтобы противостоять всем подобным влияниям, нужно верить в свои собственные убеждения и предусмотрительность. По временам это похоже на упрямство, но в действительности это—сила ума и характера, именуемая твердостью.

5) Все действия, на которые мы рассчитываем на войне, никогда не бывают столь точны, как они представляются человеку, не наблюдавшему их со вниманием лично и к ним непривычному.

Часто ошибаются на многие часы в расчете марша колонны, без осязательной причины опоздания; часто возникают препятствия вне всякой возможности расчета; часто рассчитывают дойти с армией до известного пункта и принуждены остаться на многие версты позади; часто небольшой пост, нами поставленный, не достигает предположенной цели в той мере, как рассчитывали, между тем как неприятельский пост делает боль-

ше, чем можно было ожидать; часто средства страны оказываются меньше, чем думали, и проч.

Все подобные задержки могут быть устранены только при помощи больших усилий, таких усилий, которых полководец может добиться не иначе, как проявляя строгость, близкую к жестокости. Только таким путем, только когда он убежден, что усилия доводятся всегда до предела возможного, он может питать уверенность, что сумма всех этих малых сопротивлений не приобретет чрезмерного влияния на операции и что он не останется слишком далеко позади цели, которой возможно было достигнуть.

6) Должно признать за бесспорное, что армия никогда не находится в том состоянии, которое предполагает тот, кто из своего кабинета следит за ее операциями. Если он расположен к этой армии, он ее будет считать на треть или на половину сильнее и лучше действительности. Довольно естественно, что главнокомандующий находится именно в подобном положении, когда впервые набрасывает план своих действий; что впоследствии он видит, как его армия тает так, как он и не предполагал; что его конница и артиллерия приходят в негодность и проч. Таким образом то, что в начале кампании казалось наблюдателю и полководцу возможным и легким,— становится часто трудным или невозможным в исполнении. Если полководцем будет человек, побуждаемый высшим честолюбием, который все-таки пойдет к цели смело, с полною силою воли,—

то он успеет; между тем как человек заурядный найдет в расстройстве армии достаточное извинение, чтобы отказаться от своих проектов.

Пример—Массена в Генуе и в Португалии. В первом случае невообразимые усилия, на которые люди были подвинуты силою его характера, можно даже сказать, его жестокостью, увенчались успехом. В Португалии он, если и уступил, то значительно позже, чем уступил бы другой.

Обыкновенно обе неприятельские армии находятся в данную минуту в одинаковом положении. Укажу на Валленштейна и Густава-Адольфа у Нюренберга, на императора французов и Беннигсена после сражения при Эйлау. Но состояние неприятеля не видно, между тем как свое перед глазами, почему последнее на обыкновенных людей влияет сильнее, чем первое, так как чувственные впечатления в обыкновенном человеке берут верх над внушением разума.

7) Как бы войска ни продовольствовали, из магазинов или реквизицией, затруднения всегда таковы, что имеют весьма решительный голос при выборе способа действия. Часто они противятся самым действительным комбинациям и заставляют итти за хлебом, когда следовало бы итти за победою, за блестящим успехом. Вопрос снабжения именно и дает всей машине ту материальную громоздкость, которая удерживает ее действия значительно ниже вольного полета грандиозных проектов.

Генерал, тиранически-насильно требующий от своих войск крайних усилий, обрекающий их на величайшие лишения, армия, продолжительными войнами приученная к подобным жертвам,—каких преимуществ тот и другая не будут иметь над противником, насколько быстрее будут стремиться к цели, не взирая на препятствия! Насколько результат будет выше при одинаково-хороших предначертаниях!

8) Вообще и для всех подобных случаев нельзя достаточно глубого проникнуться следующим размышлением:

Чувственные, наглядные впечатления, воспринимаемые во время исполнения, гораздо живее тех, на которых мы остановились предварительно путем зрелого размышления. А между тем эти впечатления дают лишь первоначальные очертания, которые, как мы знаем, редко вполне соответствуют сущности явлений. Отсюда—опасность принести зрелое обсуждение в жертву первому же призраку.

Причина, почему первичные впечатления действуют обыкновенно в сторону боязни и преувеличенной осторожности, коренится во врожденной робости человека, который на все смотрит только с одной стороны.

Нужно, следовательно, быть на-стороже против этого влечения; нужно заставить себя слепо веровать в заключения, к которым привели нас предварительные зрелые размышления, дабы укрепить себя против расслабляющих впечатлений минуты.

Итак, эта трудность исполнения приводится в особенности к выработке уверенности в себе и устойчивости убеждений. Изучение военной истории потому-то и важно, что оно знакомит в известной степени с самыми событиями и уясняет их ход. Принципы, которые можно приобрести путем теоретического образования, *только и пригодны для облегчения этого изучения* и для привлечения внимания к важнейшим сторонам военной истории.

В. В. должны поэтому освоиться с этими принципами, с целью проверки их при чтении военной истории, дабы вы сами могли видеть, где они согласуются с ходом событий, а где видоизменяются и даже опровергаются ими. Затем, одно только изучение военной истории может, за недостатком прямого опыта, дать наглядное понятие о том, что я здесь назвал трением всей машины.

Без сомнения, не должно останавливаться на общих выводах и еще менее полагаться на суждение историков, но нужно, прежде всего, входить, насколько возможно, в подробности. Историки редко задаются целью высшей правды в изложении: обыкновенно они хотят прикрасить действия своих армий или доказать, что события согласуются с так называемыми правилами. Они сочиняют историю, а не пишут ее. Много изучать историю необходимости нет; полное и подробное знание нескольких сражений полезнее, нежели поверхностное понятие о многих кампа-

ниях. Поучительнее поэтому читать частные описания или дневники, встречающиеся в периодических изданиях, нежели собственно исторические книги. Неподражаемый образец повествования этого рода представляет описание обороны Менен'а (Menin) в 1794 года в мемуарах генерала Шарнгорста. Этот рассказ, в особенности описание вылазки и прорыва, даст вам мерило, как надо писать военную историю.

Никогда ни одно сражение не утвердило во мне, как это, того убеждения, что на войне не должно даже до последней минуты отчаиваться в успехе, и что влияние добрых принципов, которое, вообще, не может проявляться так постоянно, как иногда воображают, обнаруживается часто неожиданным образом, именно в самых несчастнейших случаях, когда влияние их казалось уже совершенно потерянным.

Нужно, чтобы какое-нибудь мощное чувство возбуждало высшие способности полководца, будет ли это славолюбие Цезаря, ненависть к врагу Аннибала или гордая решимость Фридриха Великого погибнуть со славой.

Раскройте сердце ваше подобному чувству. Будьте смелы и непроницаемы в ваших предначертаниях, тверды и настойчивы в их исполнении, решайтесь итти на славную гибель,—и судьба увенчает вашу юную голову лучшим украшением ослепительным ореолом, блеск коего сделает ваш образ бессмертным для отдаленнейшего потомства.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

„ВОЕННЫЙ ВЕСТНИК“

Под общей редакцией: С. С. КАМЕНЕВА, В. А. АНТОНОВА-ОВСЕЕНКО, П. П. ЛЕБЕДЕВА, Д. А. ПЕТРОВСКОГО и В. П. ПОЛОНСКОГО,
при ближайшем участии Военно-научных обществ Военной академии и Высших академических курсов.

ВОЕННЫЙ ВЕСТНИК разрабатывает общие военно-политические вопросы.
ВОЕННЫЙ ВЕСТНИК рисует жизнь и быт Красной армии.
ВОЕННЫЙ ВЕСТНИК уделяет должное внимание воен. техн.
ВОЕННЫЙ ВЕСТНИК трактует вопросы воспитания и обучения.
ВОЕННЫЙ ВЕСТНИК отражает зарубежную военную мысль.
ВОЕННЫЙ ВЕСТНИК дает картины и итоги империалистической и гражданской войн.
ВОЕННЫЙ ВЕСТНИК обозревает русск. и иностр. литературу.
ВОЕННЫЙ ВЕСТНИК отвечает в своей почте на все запросы читателей.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА С ДОСТАВКОЙ

На 1 год . 7 руб. 50 коп. зол.	На 3 мес. 2 руб. 25 коп. зол.
» 9 мес. 6 » — » »	» 1 » 1 » — » »
» 6 » 4 » 25 » »	Цена отд. № 30 коп. »

ОТКРЫТ ПРИЕМ ОБЪЯВЛЕНИЙ.

Издания «ВОЕННОГО ВЕСТНИКА»

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

1. Учение о войне—Клаузевица с пред. С. С. КАМЕНЕВА.
2. Опыт работы с огневой ротой в 30 стр. дивизии, с пред. К. Стуцка и В. Лазаревича.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

1. Загадка Рейна (применение химии в военном деле)—Лефебюр.
2. Огневая рота—сборник статей.
3. Достижения в области авиации.
4. Конституция РСФСР.

РЕДАКЦИЯ и КОНТОРА:
МОСКВА, Б. Садовая (уг. М. Бронной), д. 4, телеф. ред. 6-50, доб. 3-58, телефон конторы 1-67-49.
ПРЕДСТАВИТЕЛИ Военного Вестника: ПЕТРОГРАД—Книжный магазин Военной типографии, Пр. 25 Октября, д. 4; в СМОЛЕНСКЕ—Л. М. Гейман—Штаб запфронта, в ХАРЬКОВЕ—Комиссар Окр. управления в.-у. з.—т. Ульман; в КИЕВЕ—т. Ольдерогге, В. А.—Владимирская, д. 22, кв. 3.

Вышел из печати и поступил в продажу

ОПЫТ РАБОТЫ

НАД

ОГНЕВОЙ РОТОЙ

План действия стрелковой роты в бою, разработанный особой комиссией 30 стрелковой дивизии
С предисловием К. СТУЦКА и В. ЛАЗАРЕВИЧА.
Изд. «Военного Вестника».

В. ЛАЗАРЕВИЧ об этой книге пишет: «...она представляет собою коллективный труд командного состава одной из наших наиболее боевых дивизий, являющийся плодом обстоятельного и тщательного теоретического изучения инструкции для действия стрелковой ротой в бою, а также практической работы над новой «показной» ротой. Приказ о «показной» роте и приложенная к нему «Инструкция» заставили подойти к разрешению этих вопросов практически. И тем ценнее является этот первый появляющийся в печати опыт практической работы».

СКЛАДЫ ИЗДАНИЯ: МОСКВА, к-ра журн. Военный Вестник», Б. Садовая 4, тел. 1-67-49.
ПЕТРОГРАД, книжный магазин Военной типографии. Пр. 25 Октября, 4, тел. 5-44-75.

Военное Издательство Петроградского Военного Округа.

Выпущены в свет и продаются следующие издания:

Каменский М. П.—Наступление и оборона в современной войне.
Окунев и Перепеловский.—Рота в бою.
Балк В.—Развитие тактики в Мировую войну. Перевод с немецкого, под редакцией М. П. Каменского.
Описание легкого пулемета Шоша.
Описание легкого пулемета Люиса.
Яковлев В. В.—Руководство по полевой фортификации.
Незнамов А. А.—Современная война.

Печатаются и выйдут в свет:

Риттер Х.—Критика Мировой войны. Перевод с немецкого, под редакцией М. П. Каменского.
Соколовский И. И.—Курс артиллерии.
Лавринович. — Иппология. В новом переработанном виде.

СКЛАД ИЗДАНИЙ:

Магазин Военной Типографии Штаба Р.-К. К. А.
Петроград, Просп. 25-го Октября, д. № 4, тел. 544-76.

КНИЖНЫЙ и ПИСЧЕБУМАЖНЫЙ

МАГАЗИН

ВОЕННОЙ ТИПОГРАФИИ

Штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии

Проспект 25 Октября (б. Невский) д. № 4, тел. 544-76.

БОЛЬШОЙ ВЫБОР КНИГ и УЧЕБНИКОВ

по всем отраслям знания.

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ПОДБОР ЛИТЕРАТУРЫ по технике, медицине, естествознанию и ВОЕННОМУ ДЕЛУ.

КАНЦЕЛЯРСКИЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ:

Ленты для пишущих машин,
Конторские книги,
Записные книжки,
Блокноты,
Тетради,
Календари,
Карандаши,
Перья,
Чернила,
Переводная бумага,
Писчая бумага,
Почтовая бумага,
И проч. и проч.